

Сборки старения в различных средах: применение материальной оптики

Константин Галкин

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт
Федерального научно-исследовательского социологического центра

Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Адрес: ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, Российская Федерация 190005
E-mail: kgalkin198@mail.ru

В статье рассматривается материальная геронтология — новый подход к эмпирическому исследованию старения, в частности повседневности пожилых людей, находящихся в домах-интернатах или проживающих отдельно. Даётся ответ на вопрос, как старение «собирается» в рамках взаимодействий пожилых людей с материальными и социальными ресурсами. Используется концепт настраиваемости материальных и социальных ресурсов, делаются выводы о том, как в различных средах происходят «сборки старения» как сложной негомогенной категории. Автор стремится заполнить пробел в изучении старения, который заключается в отсутствии, во-первых, социальных исследований старения через призму рассмотрения материальных и социальных ресурсов (акторов), присутствующих в различных средах и «собирающих старение», а во-вторых, дискуссии о возможностях и особенностях применения материальной геронтологии в социальных исследованиях. Для заполнения этих пробелов эмпирически иллюстрируются особенности и роли материальных и социальных ресурсов в жизни пожилых людей, показывается, как происходят «сборки старения» и как материальные и социальные ресурсы могут влиять на агентность этой категории граждан. В исследовании показано, что в зависимости от среды, в рамках которой происходят «сборки старения», отличаются и его смыслы, и понимание пожилыми людьми особенностей настраиваемости материальных и социальных ресурсов.

Ключевые слова: старение, пожилые люди, дом-интернат для пожилых людей, отдельное проживание пожилых людей, материальная геронтология, агентность пожилых людей

Пожилой человек не может существовать в отрыве от социальной жизни, он вписывается в определенную пространство-среду, в контексте которой и происходит старение; при этом само старение не может быть отделено от этой среды. Таким образом, среда становится значимым компонентом в контексте особенностей понимания возраста и того, как происходит старение. Однако среда представляет собой не только пространство взаимодействия людей друг с другом. В ней, согласно Бруно Латтуру, встроены и «акторы-нечеловеки» (артефакты, технические комплексы, животные и др.), которые также могут выступать в качестве действующих агентов в социальных системах и отношениях (Латтур, 2006: 5).

Однако в современных исследованиях старения (независимо от того, как мы его понимаем) не всегда уделяется должное внимание роли среды, как и роли раз-

* Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство».

личных акторов, существующих в этих средах. В литературе, которая сочетает элементы АСТ и исследования возраста, возникло направление «материальная геронтология». Пионерка данного подхода Грит Хёпнер считает, что материальная геронтология совершает в первую очередь сдвиг парадигмы в рассмотрении возраста от детерминизма и конструктивизма к перформативности и материализму. Возраст становится продуктом материально-дискурсивных практик в определенном социокультурном контексте и в значительной степени определяемых временем (Höppner, Urban, 2018).

В новых исследованиях возраста, использующих оптику материальной геронтологии, предпочтение отдается функциональности тех или иных предметов в жизни пожилых людей, которые создают для них комфорт и улучшают качество жизни (см., например: Artner et al., 2017). В рамках этой статьи особый интерес представляет использование данного подхода при анализе работы специализированных заведений. Так, Моника Урбан (Urban, 2017) показывает, как взаимосвязаны технологии и пожилые люди и как особенности старения зависят от различных объектов материального мира, окружающих пожилого человека. Таким образом, подобные эмпирические исследования возраста ставят важный вопрос о том, насколько возможно и правомерно рассматривать дискурс старения, отказываясь от понимания возраста пожилого человека как конструкта. Опираясь на статью Л. Пфаллера и М. Шведы, приверженцы материальной геронтологии считают дискурсивное изменение в изучении старения наиболее продуктивным, настраивая исследовательскую оптику так, чтобы и акторы-нечеловеки не исчезали из поля зрения исследователя (Pfaller, Schweda, 2017).

Учет различных дискурсов о старении, в том числе относительно материальности и среды, в рамках которой происходит старение, может быть полезным для понимания особенностей и полноценного структурного изучения старения (Höppner, Urban, 2018). Однако это утверждение наталкивает на вопрос о том, как при этом изменяется и дополняется концепт агентности для пожилого возраста, достаточно хорошо обоснованный и распространенный в социальных науках. Современные исследования агентности всё больше дополняются изучением различных факторов, таких как пол, раса, гендерная принадлежность, уровень доходов. Агентность и ее изначальное понимание остаются крайне человекоцентричными, и особенности фокусировки материальной геронтологии помогают не упускать из внимания, что любые действия людей происходят в той или иной материальной среде. Исследователи, использующие в своих работах методологию АСТ, рассматривают агентность «как реализуемую в материально-дискурсивных процессах» (Barad, 2007: 818). В исследованиях Нелли Оудсхорн изучается, как новые технологии и высокоразвитые системы ухода за пожилыми людьми создают в их жизни, помимо комфорта, еще и неравенство, связанное в первую очередь со сложностями освоения новых компетенций и технологий ухода (Oudshoorn, 2011). То же самое можно найти и у М. Урбана (Urban, 2017). Эти примеры демонстрируют различные сложные способы, которыми переплетаются дискурсы эмоций, тела,

вещей, технологий. Агентность, таким образом, выстраивается во взаимодействии и в сети «человек — вещь — технология». В рамках такой сети целесообразно говорить о «сборке старения» как сложной категории. Применение нового материалистического подхода к исследованию возраста дает возможность поставить вопрос о том, что влияет на старение человека больше всего: отсутствие общения в сельской местности и в ограниченном пространстве дома-интерната, либо отсутствие дорожного покрытия на проселочной дороге, которое также оказывает влияние на качество жизни пожилого человека.

Анализируя концепт «сборки старения», который активно используется в статье, я предлагаю рассматривать старость как постоянно меняющую свои границы, как текущий объект. Свойство текучести, присущее именно гибридным объектам, понимается мной, исходя из концепции Дж. Ло, как свойство «изменчивости границ объектов» (Ло, 2006: 38). Данная идея позволяет перейти от понимания старости как особого физического и психологического состояния организма или хронологического конструкта, ограничивая возраст определенными рамками, к рассмотрению его как гетерогенного объекта, встроенного в различные практики взаимодействия людей, предметов и среды. Утверждение о существовании множества реальностей старения требует объяснения особенностей сосуществования различных реальностей и акторов, собирающих старение.

Для эмпирического описания взаимодействия пожилых людей с материальными и социальными ресурсами я использую категорию «настраиваемости». Эта категория задается в исследовании эмпирически, она обозначает встроенность материальных и социальных ресурсов в повседневную жизнь пожилых людей в разных средах, способность создавать комфортные условия в зависимости от того, насколько материальные и социальные ресурсы удобны и поддаются корректировке самими пожилыми людьми и средой. В статье я рассматриваю различные взгляды на сборки старения, которые присутствуют у персонала дома-интерната, пожилых людей, находящихся в доме-интернате, и пожилых людей, проживающих вне его стен.

Изучение возраста ведется с позиций рассмотрения роли инфраструктуры и социальных взаимодействий как одинаково важных, которые формируют повседневность пожилых людей в различных средах. В статье анализируются преимущественно две среды: дом-интернат и отдельное проживание в сельской местности. В случае домов-интернатов классической теоретической рамкой является рассмотрение этой среды с позиции И. Гофмана (тотальный институт). Эта позиция в большой степени связана с конструктивистским подходом, где в основном рассматриваются особенности коммуникации, взаимодействия людей. Сам тотальный институт представлен как сконструированное учреждение, в рамках которого в жизни пожилых людей появляются различные стигмы. При таком подходе из поля зрения исчезают взаимодействия пожилых людей с инфраструктурой и «неживыми» акторами, более того, подобное рассмотрение происходит весьма узко и по одной оси координат: «пожилые люди — тотальный институт». В то же

время потребности пожилых людей, как и особенности соматических ощущений, в том числе особенности восприятия социальных и материальных ресурсов, которые создают смыслы старения, остаются неучтенными. Таким образом, оптика тотального института не позволяет рассмотреть старение комплексно.

Настоящая статья представляет собой попытку эмпирического описания того, как различные акторы (ресурсы), материальные и социальные, позволяют «собирать старение» в двух во многом принципиально отличающихся средах — при проживании отдельно и в доме-интернате — и обозначить старение на оси координат «среда — материальные и социальные ресурсы среды — индивид — особенности понимания и восприятия индивидом возраста». Следуя в исследовании логике материальной геронтологии, я задаюсь вопросом о том, как материальные и социальные ресурсы влияют на жизнь пожилых людей, проживающих отдельно и в доме-интернате. Таким образом, я рассматриваю возможную агентность пожилых людей в этих средах, но опираясь на дискурсивное представление агентности, которое обозначено взаимодействиями с различными акторами, задающими особенности агентности отдельных индивидов.

Методы и эмпирическая база

Основная идея при конструировании выборки в исследовании — изучение максимально контрастных кейсов, выявление особенностей взаимодействия и использования пожилыми людьми материальных и социальных ресурсов в двух отличных средах. В выборку вошел частный дом-интернат, находящийся в крупном городе регионального значения (Петрозаводск), и сёла Карелии, где наблюдается инфраструктурный дефицит, отсутствуют газо- и водоснабжение, канализация, есть проблемы с транспортным обеспечением, нет магазинов, а ближайший ФАП расположен в 20 километрах. Конструирование выборки по такому принципу позволяет учитывать как различия в особенностях материальных и социальных ресурсов в частном доме-интернате и при проживании отдельно, так и различия во взаимодействии самих пожилых людей с различными типами ресурсов и в различных средах. В ходе исследования было собрано 20 биографических интервью с пожилыми людьми (по 10 в каждом кейсе) и 16 интервью с сотрудниками интерната и волонтерами. Также применялись методы наблюдения и go-along-интервью с пожилыми людьми (144 часа). Метод go-along-интервью позволил рассмотреть взаимодействие пожилых людей с различными акторами, проанализировать подобные взаимодействия (Kusenbach, 2003; Bergeron, 2014).

«Сборки старения» в доме-интернате. Взгляд персонала

Дом-интернат — это заведение, где условия для старения созданы на законодательной базе, закрепленной в определенных документах, в которых задекларировано, что пожилому человеку необходим комфорт и медицинское обслуживание.

Основаниями для переезда в дом-интернат, с точки зрения представителей администрации и санитарок, выступают определенная жизненная ситуация и особенности проживания пожилого человека, признанные неудовлетворительными, а также отсутствие социальных ресурсов и общения. Когда пожилой человек переезжает в дом-интернат, его окружение дополняется комфортными и удобными материальными и социальными ресурсами, обеспечивающими ему более высокое качество жизни. Вот как об этом говорят работники учреждения:

Мы же знаем, что там (при проживании отдельно или при проживании с родственниками) у наших бабушек и дедушек были серьезные проблемы. Так или иначе, сами судите, им там неделями просто не с кем было поговорить. Или того хуже — у них возникали такие ситуации, когда их даже били там, или они, например, жили в деревне какой-нибудь, куда один автобус раз в три дня приходит. Жили без газа и света, воду с колонок таскали... А здесь и обед готовый всегда есть, и есть с кем поговорить — целый пансионат! И вообще, если хочешь — телевизор смотри, а не хочешь — в палате лежи, отдыхай. (Женщина, 46 лет, администратор пансионата, Петрозаводск)

Среда дома-интерната определена четкими регламентами настраиваемости материальных и социальных ресурсов. Для этого объекты среды и люди — персонал — проходят специальный отбор, целью которого является удобство использования тех или иных предметов или общение с людьми согласно запланированному графику. Во внимание принимаются болезни пожилых людей, ограничения в их передвижении, возможность самообслуживания, терапевтические эффекты, которые могут оказывать вещи из среды их окружения, занятия или общение друг с другом и с персоналом дома-интерната.

В «сборке старения» в среде дома-интерната участвуют следующие акторы: тело пожилого человека; медицинские показания и жизненная ситуация, вследствие которой пожилому человеку необходимо находиться в доме-интернате; документы, медицинские заключения и рекомендации; пространство самого дома-интерната с бытовой техникой, оборудованием и наличием специальных приборов, таких как ванна с дверцей для удобства мытья или ходунки и кресла с поручнями, улучшающие передвижение; волонтеры; медицинский персонал и руководство самого дома-интерната. Основным отличием подобных акторов от тех, кто присутствует при проживании отдельно, выступает тот факт, что все эти обозначенные приспособления, люди и другие объекты становятся элементами собранной воедино реальности дома-интерната, где представление о старении понимается, исходя из создания комфортных условий для пожилых людей. При этом ключевой категорией в данном случае выступает настраиваемость материальных и социальных ресурсов, которая организуется вокруг самого человека.

Настраиваемость материальных и социальных ресурсов в доме-интернате регламентируется нормами и правилами:

Всё мы стараемся сделать согласно регламенту. И так как пансионат частный, мне много помогает наша директриса, потому что у нее есть свой особенный взгляд на вещи: она всегда старается чем-то разнообразить жизнь старииков и при этом соблюсти все, чтобы порядок был. Вот, например, совсем недавно (информантка подходит к стене и демонстрирует специально оборудованные поручни для инвалидов) мы поставили здесь поручни, чтобы им [подопечным] было удобно держаться. (Женщина, 46 лет, администратор пансионата, Петрозаводск)

Основное требование, предъявляемое к материальным и социальным ресурсам, — их включенность в слаженную работу среды дома-интерната. Настраиваемость как характеристика не имеет при этом иерархических уровней (нельзя выделить более настраиваемые или менее настраиваемые объекты), то есть нет шкалы, по которой можно определить, насколько тот или иной предмет лучше подходит для пожилого человека — чем одна трость удобнее другой и с кем лучше пожилому человеку общаться — с его другом или с родственником. Все материальные и социальные ресурсы, которые проходят «экспертизу» дома-интерната, признаются сотрудниками как настраиваемые, а значит, по умолчанию удобные и комфортные для пожилых людей:

Здесь мы стараемся всё сделать для удобства. Конечно, и уборка палат, и работа с самими подопечными — всё это должно быть удобным именно для них, и никак иначе. Вот вы спуск видели? Там вообще не пройти и не проехать, а если на коляске, то я уже вообще молчу — спуститься становится практически невозможным! А мы здесь пандусы делаем, да и пол тоже везде ровный, чтобы было удобно по нему ездить. И конечно, чтобы доступно это было для всех наших подопечных! Поэтому здесь, будьте уверены (я вам так скажу, и это не реклама), всё в пансионате у нас на высшем уровне и всё очень удобно для пожилых людей! (Женщина, 46 лет, администратор пансионата, Петрозаводск)

Приведенную цитату из интервью подтверждает пример из дневника наблюдения:

Если в пансионат кто-то приходит, то санитарки сразу же стараются выключить телевизор, и достаточно быстро. Вообще график просмотра телевизора строго регламентирован, и когда, например, после 22 часов, как я однажды наблюдал, одна из подопечных пыталась включить телевизор, то санитарка быстро его выключила и сказала, что это не по режиму и что нужно идти

спать, а не разгуливать. (Из дневника наблюдений 18.11.2019, пансионат, Петрозаводск)

Материальные акторы дома-интерната организуют рутинную деятельность в учреждении. К ним относятся и различные документы, связанные с организацией работы дома-интерната (например, режим или распорядок дня, который четко определен и имеет материальное подтверждение в виде списка на стене перед входом), медицинские документы подопечных и др. Настраиваемость материальных акторов способствует в данном случае поэтапному и профессиональному «изготавлению» старения и окружения стареющего тела пожилого человека комфортом и удобными технологиями, согласно нормам и правилам дома-интерната.

Акторы-нечеловеки выступают в доме-интернате инструментами для связи существующих локальностей, например, для обобщения индивидуальных представлений о старении или проблемах со здоровьем конкретного человека, создавая при помощи материальных объектов и «сборки» настраиваемого комфорта некое особое, обобщающее представление о достойном старении, невозможном в окружении неудобных объектов.

Материальные объекты дома-интерната не просто являются ресурсами интеракции для подопечных в учреждении, они играют ключевую роль в упорядочивании взаимодействий, а именно «сборок» комфортной и удобной старости, старости без проблем. Социальные ресурсы также оказываются вписанными в эту слаженную работу. Другими акторами и связующим их звеном в доме-интернате при «сборках старения» выступают люди и их взаимодействие.

Администрация пансионата и санитарки отдают предпочтение членам семьи пожилых людей, аргументируя это тем, что общение с друзьями или дальними родственниками может негативно сказаться на психологическом самочувствии пожилых: «К нему [к подопечному] приезжает часто, как он мне говорит, старый друг. А я знаю, что этот старый друг — алкаш. И поэтому я его всегда пытаюсь отговорить от этих встреч, все-таки ведь дочка его сюда отдала, заботится, значит, хорошая. Вот пусть с ней и общается» (женщина, 40 лет, санитарка, пансионат, Петрозаводск). Иными словами, настраиваемость таких социальных ресурсов, как семья, и важность именно семейной заботы и поддержки рассматриваются как оптимальные для подопечных дома-интерната.

Акторы-люди в доме-интернате и общение с ними также оказываются включенными в существующие регламенты. Эти регламенты формируются именно в контексте слаженного порядка и упорядоченности материальных вещей и предметов. Слаженная, настроенная и упорядоченная среда дома-интерната выступает в данной ситуации важнейшим компонентом. При этом акторы-люди и «сборки старения» при взаимодействии остаются вписаными и подчиненными материальности дома-интерната, включенными в особую комфортность, в понимание материальности, без которой, по мнению работников и сотрудников дома-интерната, не может существовать слабеющее стареющее тело. Таким образом, ядром

«сборок старения» выступает настраиваемая материальность дома-интерната, в рамках которой и создаются комфортные условия.

«Сборки старения» в доме-интернате. Взгляд подопечных

Как подобная регламентируемая настраиваемость и материально-центричные «сборки старения» воспринимается самими пожилыми людьми, для которых организуются материальные и социальные ресурсы дома-интерната? Для пожилых людей, проживающих в доме-интернате, институционально настраиваемые акторы — это не все объекты, создающие материальные ресурсы, а лишь те, что дополняют и улучшают их жизнь. Например, для маломобильных удобными и настраиваемыми объектами стали ровный плоский пол и поручни, за которые они могли легко держаться при передвижении. Один из подопечных интерната утверждал: «Здесь все-таки намного лучше, чем дома, в плане передвижения, потому что здесь ты можешь достаточно быстро... Я смеюсь, конечно, «быстро», но все же, держась вот за эти штуки (показывает рукой на поручни, прикрученные к стенам), можешь дойти, куда тебе нужно. И это просто, потому что здесь полы относительно ровные и удобные» (мужчина, 78 лет, дом-интернат, Петрозаводск).

Беседуя с другой пожилой дамой, я обратил внимание, что для нее удобными и настраиваемыми объектами в учреждении оказываются вкусные обеды, которые не нужно готовить самостоятельно: «Кормят вкусно, вот здесь ничего плохого и сказать, в принципе, не могу. Всегда еда есть, и всегда еда по расписанию. Когда это необходимо, ее принесут тебе и накормят. Дома я бы, наверное... Не знаю, наверное, очень было бы сложно там что-либо готовить. А здесь нет, всё готовое и все удобное. Тебя и к столу вовремя позовут, и еду тебе приготовят, приходи только» (женщина, 84 года, дом-интернат, Петрозаводск). Таким образом, наиболее удобные объекты для пожилых людей в доме-интернате — это элементы доступной инфраструктуры: бордюры, удобные лестницы, ровный пол и элементы, связанные с едой, с *процессом приготовления еды*. Именно подобные материальные объекты выступают ключевыми акторами в «сборках старения» в доме-интернате.

Некоторые из подопечных дома-интерната, которым было сложно самостоятельно совершать ежедневные гигиенические действия, отмечали, что гигиена и то, как здесь ее осуществляют, а также гигиенические принадлежности, то есть акторы-материальные ресурсы (*средства гигиены*) и акторы-люди (*санитарки*), создают главные удобства для них: «Что хорошо — тут не то что у меня в деревне или как на даче было, где единственный душ-топтун стоял и всё, больше ничего и не было. Здесь тебя помоют и расчешут, если надо, и всегда есть горячая вода и свет, то есть здесь всегда удобно» (женщина, 83 года, пансионат, Петрозаводск, из go-along-интервью). Такие элементы инфраструктуры, как *горячая вода, свет и наличие специальной теплой комнаты* для совершения гигиенических процедур, в данном случае включены в представления об удобстве пожилых людей. Одну из

таких ситуаций хорошо иллюстрирует пример игр с мягкими игрушками: «Для меня это как куколка и как домик и медведь — всё в одном. Здесь мне игрушки не нравятся, они какие-то странные и страшные, а там всё мое, родное...» (женщина, 75 лет, дом-интернат, Петрозаводск). В данном случае речь идет о резиновых игрушках, именно их информантка называет «странными» и «страшными», с невнятно прорисованными лицами и неестественными расцветками (например, заяц был голубым). Основным критерием при закупках стали гигиенические нормы, поэтому игрушки в основном резиновые, чтобы их можно было легко вымыть. Однако у пожилых людей подобная настраиваемость игрушек в данном случае вызывала недовольство и сопротивление.

Настраиваемость социальных ресурсов также в некоторых случаях вызвала недовольство у пожилых людей. Особенно это касалось отсутствия возможности общаться с другими людьми: «Здесь с кем общаться? А не с кем! Всё одно. Потому что то санитарки эти, то еще какие-то люди, и всё, практически круг и замкнулся. Хочешь с кем-то поговорить, что-то обсудить, но что с ними говорить-то, ведь здесь же нет у тебя доступа к твоим прежним друзьям, к твоему прежнему кругу общения, который был у тебя в прошлой жизни. Вот поэтому и сидишь здесь один, только если книги и почитать-то...» (мужчина, 86 лет, дом-интернат, Петрозаводск). Таким образом, отсутствие разнообразия социальных ресурсов — это основная причина неудовлетворенности пожилых людей. Следует отметить, что подобный сценарий, который задается нормативностью дома-интерната, ведет к негативному пониманию и ощущению подопечными своего возраста. Информанты в этом случае отмечали, что их «держат за немощных», «больных на голову» и «не умеющих ничего сделать самостоятельно»; одним словом, создается такое восприятие, которое в прямом смысле указывает на старость и немощность. При этом наличие у пожилых людей планшетов или смартфонов с функцией просматривания видео, которые они принесли из дома или которые им привозили родственники, создает возможности для расцепления порядков интеракции. К примеру, таким расцеплением может быть обмен или просмотр фото в социальных сетях:

Здесь скуча смертная, но дочка мне свой старый телефон отдала. И вот теперь я выкладываю фотографии, которые есть у меня или которые я сделала на прогулке. И вы знаете, это настоящая отдушина для меня, это позволяет мне просто общаться и видеть, что там тоже есть мир и ты тоже ощущаешь себя не вычеркнутой, а включенной в этот мир, понимаешь? Что есть возможность и для тебя быть частью этого мира. (Женщина, 81 год, дом-интернат, Петрозаводск)

Аналогичным способом подопечные используют прослушивание музыки или просмотр фильмов в наушниках для расцепления порядков, созданных настраи-

ваемой материальностью дома-интерната, и противостоя этой жесткой настраиваемой материальности.

Таким образом, на основании расцепления порядков, присутствующих в доме-интернате, а также при использовании материальных ресурсов и предметов, которые сами постояльцы приносят в дом-интернат, и происходит создание индивидуальной агентности пожилых людей. При этом сами «сборки старения» в доме-интернате являются институционально-центричными и именно жесткая регламентируемость и настраиваемость материальных и социальных ресурсов ограничивает агентность пожилых людей. Акторы-предметы играют ключевые роли в сборках старения в доме-интернате: их главная функция — сцеплять порядки, нормативность в самом учреждении, в то время как сами пожилые люди используют не весь комплекс удобных и комфортных материальных ресурсов, представляемых домом-интернатом, а лишь некоторые из подобных ресурсов.

«Сборки старения» при отдельном проживании

При проживании пожилых людей отдельно основной характеристикой настраиваемости материальных и социальных ресурсов выступает возможность ее регулировки самими пожилыми людьми. Например, различные материальные и социальные ресурсы в представлении самих пожилых людей способны сделать более комфортными повседневные, рутинные дела:

Было раньше очень плохо и неудобно здесь мне ходить, вот там вот, под горку. И я в итоге решил, что трость, та, что в доме стоит, не подходит совсем для таких дорог, как наши, — все в рытвинах и ямах. В общем, я в итоге сделал себе трость: осенью в лесу нашел удобную палку, осину, выстругал. Хоть древесина и не очень-то, но мне удобно на нее опираться, да и комфортно, в принципе. Вот хожу теперь здесь, под этот спуск, и всё мне нипочем. Просто беру и опираюсь на трость. (Мужчина, 74 года, село, Карелия)

Многие информанты отмечали важность именно социальных ресурсов (наличия социальных связей, общения и взаимодействия с соседями), которые способны дополнить и улучшить ресурсы материальные. Таким образом, именно возможность выбора, с кем взаимодействовать, улучшает жизнь пожилых людей:

Вот разве в интернате (или — как там дочка зовет? — в пансионате) такое возможно? Здесь пусть и бывает, что свет отключают или воды нет, но ты встал с утра, на рассвет посмотрел и прямо душой ожил. Или вообще все делаешь так, что под рукой все твои лекарства, которые сам себе выбираешь. Это комфортно, удобно, и, конечно, очень хорошо, что такая возможность есть. А там [в доме-интернате] просто не будет ее, этой возможности, а зна-

чит, будешь сидеть, в окно смотреть и куковать. (Мужчина, 83 года, село, Карелия)

Можно говорить о том, что субъективно настраиваемые и комфортные социальные ресурсы способствуют переоценке пожилыми людьми физической среды, и, как следствие, это минимизирует сложности, которые связаны с инфраструктурным дефицитом, например, с передвижением и отсутствием регулярного транспортного сообщения. Получается, что для пожилых людей, проживающих отдельно, важным с точки зрения смыслов старения становится понимание своей агентности, которая выражается через окружение и поиск удобных материальных и социальных ресурсов. В отличие от дома-интерната, где подобная настраиваемость отсутствует, при проживании отдельно они могут сами выбирать необходимые сочетания, регламентировать для себя удобства материальных и социальных ресурсов, то есть подстраивать сценарную модальность, через которую можно проследить, как материальные и социальные ресурсы становятся для них удобными и комфортными.

Старение, которое «собирается» пожилыми людьми при проживании отдельно, ситуативно, а не универсально, как в случае с домом-интернатом. При проживании отдельно старение становится частным — через возникающие неудобства, отсутствие гравия на дороге, неудобной тропинке к колодцу, создаются особые ситуации, ведущие к формированию особого понимания и восприятия ими своего возраста.

Для того чтобы ситуативное старение, проектируемое при проживании отдельно, состоялось, необходимо наличие целого набора различных акторов. Некоторые из таких акторов могут быть более комфортными для пожилых людей, способными создавать ситуации, когда старение, или, выражаясь языком моих информантов, «возраст» становится незаметным. С другой стороны, есть наборы акторов, которые, наоборот, проектируют ситуативный возраст, задают ситуации, когда процесс старения становится видимым. Так, отсутствие централизованного газового снабжения в сельской местности влияет на понимание информантами своего возраста, чувства отчужденности и забытости.

Инфраструктурный дефицит в сельской местности — это важнейший фактор, определяющий настраиваемость материальных ресурсов. *Покупка газовых баллонов и заготовка дров, электрические обогреватели и генераторы* — наиболее часто встречающиеся настраиваемые действия и объекты, которые призваны улучшить комфорт пожилых людей и создать лучшие условия для их агентности. Пожилые, не занятые в трудовой деятельности и большую часть времени проводящие дома, оказываются чувствительнее к отсутствию инфраструктурных благ. Это создает им проблемы и с автономностью.

Как отмечали в интервью пожилые люди, дополнительные удобные средства для жизни в сельской местности помогают сделать жизнь в старости проще:

Здесь так бывает, особенно зимой: свет как отключают, и на три четыре дня примерно. Не включают свет и всё. И что тогда делать? Когда, помню, раньше молодой был и еще работал, то что это отключение света? Пошел, взял там дров, печку натопил, если нужно, к соседу заглянул! А теперь уже нет, не получается в принципе. Так и вот, теперь купил генератор, и свет включаю, и чайник на газу грею, чтобы было удобно, если это необходимо, вовремя помыться и все эти дела сделать. (Мужчина, 70 лет, село, Карелия)

Таким образом, сочетание удобных и настраиваемых материальных ресурсов важно для того, чтобы сделать более комфортным сложно подчиняемый (настраиваемый) инфраструктурный ландшафт самого села, отличающийся неудобными дорогами, проблемами с электроэнергией и сложностями с передвижением. Для этого пожилые люди прибегают к использованию социальных ресурсов, а именно возможностей соседской солидарности:

Без соседей здесь вообще не знаю, что бы я делала! Старая я уже, и, конечно, мне что-либо одной сделать сложно. Одним словом, иди и сделай, вроде глаза так говорят, а силы-то уже не те, и сложно всё. Вот недавно с соседями дорогу подсыпали и в итоге решили заказать крошку. Здесь на дороге ее высыпали, вместе. Я им тоже помогала, таскала. Так вот, вместе очень быстро и легко сделали хорошее покрытие на дороге. (Женщина, 86 лет, село, Карелия)

Пример с соседской помощью довольно показателен. В данной ситуации сценарная модальность объекта — неподсыпанной и неотремонтированной дороги — с одной стороны, создает сложности для передвижения, то есть выступает крайне неудобным и ненастраиваемым материальным ресурсом. Но, с другой стороны, этот неудобный и ненастраиваемый материальный ресурс предоставляет пожилым людям возможность проявления автономности и развития собственного сценария. Очевидным выходом оказывается использование комфортных соседских отношений, что и приводит к модификации материального ресурса.

Таким образом, у пожилых людей появляется возможность проявить самостоятельность и доработать окружающие материальные объекты до состояния удобства, что не может быть реализовано в доме-интернате, где настраиваемость и материальных, и социальных ресурсов задана шаблонной и ограниченной модальностью. Важную роль здесь играют взаимоотношения с соседями и взаимодействие с ними, само локальное сообщество, а также семья и родственники. Это воспринимается пожилыми людьми как нечто комфортное и удобное, как социальный ресурс, который может быть использован для регулирования удобства и настройки окружающего материального ресурса.

В отличие от дома-интерната, старение, которое создается индивидуально, выходит за пределы только ощущений и пониманий его самими пожилыми, по-

новому ставит для них вопрос о комфортности или некомфортности окружающей среды. Стареющее и слабеющее тело при проживании отдельно не оказывается причиной инвалидизации и ограничений, а, наоборот, в дополнение к социальным ресурсам может выступать актором, который достраивает вокруг себя агентность и создает условия и возможности для ее реализации.

С точки зрения возможности и степени настраиваемости материальных и социальных ресурсов можно обозначить следующее. Наиболее удобными и настраиваемыми выступают те предметы и люди, которые призваны улучшить комфорт и расширить агентность пожилых людей при проживании отдельно. К другой группе настраиваемых социальных и материальных ресурсов следует отнести те предметы (старые фотографии, старая посуда, книги) и общение с теми людьми, которые важны и значимы для пожилых людей и обладают для них определенными терапевтическим эффектом и смыслами. Такими акторами также могли стать предметы, которые, как отмечали информанты, «заряжали их позитивом». Как отмечает М. Э. Елютина, вещь в таком случае становится для пожилых людей «проекционным экраном» или «ретропроектором жизненного пути», через особые смыслы конкретных вещей происходит осознание комфорта, осознание удобств обстановки, в которой находятся пожилые люди (Елютина, 2009: 108). Для информантов такими вещами могли стать практически любые предметы, в том числе утратившие свою социальную ценность, но значимые для ощущения домашнего комфорта.

Таким образом, для пожилых людей, проживающих отдельно, «сборки старения» были определены прежде всего ситуативностью, которая присутствовала и в настраиваемости материальных и социальных ресурсов, а также в том, что старение возникало в зависимости от окружающих условий и акторов. И старение, и представления о старении и его «сборках» были крайне субъективными у пожилых людей при отдельном проживании, они формировались внутри среды, в которой и создавались удобные и настраиваемые материальные и социальные ресурсы. При проживании отдельно агентность выражалась через субъективно настраиваемые и, следовательно, субъективно комфортные материальные и социальные ресурсы, окружающие пожилых людей.

Заключение

Данная работа представляет собой эмпирическую попытку рассмотреть старение в различных средах с использованием оптики материальной геронтологии и применением ACT. Анализ «сборок старения» с позиций акторов-людей и акторов-предметов позволяет сделать вывод, что в этом сложном процессе участвуют как материальные, так и социальные ресурсы. Одной из ключевых характеристик в жизни пожилых людей выступает возможность настраиваемости различных акторов, на основании которых те или иные предметы вкупе с интеракциями и взаимодействиями становятся вовлеченными в процессы сборки старения.

Принципиальным моментом является возможность настройки компонентов среды. Настраиваемость имеет в данном случае важное значение: от настраиваемости тех или иных объектов в разных средах зависит комфорт пожилых людей и управление материальными и социальными ресурсами в повседневности. Шкалы настраиваемости могут иметь различные значения: при проживании в доме-интернате настраиваемость становится жестко регламентируемой и встроенной в конкретные рамки учреждения, персонал дома-интерната в таком случае обладает возможностью настраивать материальные и социальные ресурсы. При проживании отдельно сами пожилые люди могут настраивать для себя удобные материальные и социальные ресурсы, решая таким образом проблему инфраструктурного дефицита и делая более комфортным ландшафт в сельской местности.

На основании изучения повседневного опыта пожилого человека у исследователей появляются возможности проанализировать, как собираются воедино смыслы старения в различных пространствах и средах. Коэволюция материальных и социальных ресурсов и влияние этих ресурсов на старение пожилых людей показывает, что акторы-нечеловеки, как и живые акторы, вплетаются в повседневную жизнь, трансформируя и изменяя ее. При этом само старение и смыслы, в рамках которых индивид описывает свой возраст, оказываются размытыми, а границы старения определяются не только отношениями и взаимодействиями людей, но и особенностями настраиваемости различных материальных ресурсов в разных пространствах (средах) и тем, как эта настраиваемость регулируется/не регулируется самими пожилыми людьми.

Новизна полученных результатов позволяет выйти на перспективы исследования повседневной жизни пожилых людей с применением нового подхода, а именно рассмотрения особенностей автономности пожилых не с позиций конструирования возраста и исследования особенностей подобного конструирования, или распределения власти в тотальном институте, а с позиции изучения взаимодействия пожилых людей с материальными и социальными ресурсами.

Подобная оптика рассмотрения старения может дать многое исследователям агентности и автономности пожилых людей. Однако это не классическое понимание стигм и институтов, которые могут жестко регламентировать и подавлять автономность пожилых людей, а рассмотрение автономности и агентности через интеракции с предметами и людьми, происходящие в различных средах. Такой подход достаточно наглядно демонстрирует, как в контексте повседневных практик и взаимодействий собирается и сцепляется регламентируемость, неситуативность старения и, с другой стороны, наоборот, собирается ситуативность и комфортность старения, возникающая при проживании отдельно. Старение становится комплексным явлением, которое собирается день ото дня в контексте акторов-предметов и людей — по-разному в различных средах, — тем самым меняя традиционные представления об особенностях пожилого возраста.

Литература

- Елютина М. Э. (2009). Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социологические исследования. № 7. С. 101–109.
- Зеликова Ю. А. (2014). Стареющая Европа: демография, политика, социология. СПб.: Норма.
- Латур Б. (2004). Где недостающая масса? Социология одной двери / Пер. с англ. Н. Мовниной // Неприкосновенный запас. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/gde-nedostayushhaya-massa.html> (дата обращения: 20.09.2021).
- Ло Дж. (2006). Объекты и пространства / Пер. с англ. В. Вахштайна // Социологическое обозрение. Т. 5. № 1. С. 30–43.
- Artner L., Atzl I., Depner A., Heitmann-Möller A., Kollewe C. (eds.). (2017). Pflegedinge: Materialitäten in Pflege und Care. Bielefeld: Transcript.
- Barad K. (2003). Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter // Signs. Vol 28. № 3. P. 801–831.
- Barad K. (2007). Agential Realism: How Material-Discursive Practices Matter // Barad K. (ed.). Meeting the Universe Halfway. Durham: Duke University Press. P. 132–186.
- Bergeron J., Paquette S., Poullaouec-Gonidec P. (2014). Uncovering Landscape Values and Micro-geographies of Meanings with the Go-along Method // Landscape and Urban Planning. № 122. P. 108–121.
- Goffman E. (1968). Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. New Brunswick: Aldine.
- Höppner G., Urban M. (2018). Where and How do Aging Processes Take Place in Everyday Life? Answers from a New Materialist Perspective // Frontiers in Sociology. Vol. 3. № 7. P. 1–10.
- Katz S. (2020). Precarious Life, Human Development and the Life Course: Critical Intersections // Grenier A., Philipson Ch., Settersten Jr. R. (eds.). Precarity and Ageing: Understanding Insecurity and Risk in Later Life. Croydon: Policy Press. P. 41–66.
- Kusenbach M. (2003). Street Phenomenology: The Go-along as Ethnographic Research Tool // Ethnography. Vol. 4. № 3. P. 455–485.
- Laz C. (2003). Age Embodied // Journal of Aging Studies. Vol. 17. № 4. P. 503–519.
- Laz C. (2019). Introduction to «Act Your Age» // Социология власти. Vol. 31. № 1. P. 143–145.
- Oudshoorn N. (2011). Telecare Technologies and the Transformation of Healthcare. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Pfaller L., Schweda M. (2017). Altern zwischen Medikalisierung und reflexiver Praxis: Der Alltag im Zeichen des Anti-Aging // Enter C., Kienitz S. (Hrsg.). Alter (n) als soziale und kulturelle Praxis: Ordnungen — Beziehungen — Materialitäten. Bielefeld: Transcript. P. 157–178.
- Polivka L. (2011). Neoliberalism and Postmodern Cultures of Aging // Journal of Applied Gerontology. Vol. 30. № 2. P. 173–184.

Urban M. (2017). Embodying Digital Ageing: Ageing with Digital Health Technologies and the Significance of Inequalities // Heidkamp B., Kergel D. (eds.). Precarity within the Digital Age: Media Change and Social Insecurity. Wiesbaden: VS Verlag. P. 161–176.

Aging Assemblies in Various Environments: The Use of Material Optics

Konstantin Galkin

Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Fellow, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Address: 7 Krasnoarmeyskaya str., 25/14, Saint Petersburg, Russian Federation 190005

E-mail: kgalkin1989@mail.ru

The article considers a new approach to the research of aging — material gerontology and the application of this approach to the empirical study of the everyday life of elderly people who are in boarding schools and living separately. The article answers the question of how aging is collected within the framework of the interactions of older people with material and social resources present in two different environments in which older people are located. The article uses the concept of tunability of material and social resources, on the basis of which conclusions are drawn about how the assemblies of aging as a complex inhomogeneous category occur in various environments. Different environments are a nursing home in the city of Petrozavodsk and villages in Karelia, where elderly people live separately. A total of 20 biographical interviews with elderly people ($n = 20$) and 16 semi-structured interviews ($n = 16$) with nurses and volunteers working in a boarding house were collected. The article aims to fill the gap in the study of aging, which consists, firstly, in the absence of social research on aging through the prism of considering the material and social resources (actors) present in various environments and collecting aging, and secondly, in the absence of discussion about the possibilities of applying material gerontology in social research and the features of the application of this direction. To fill these gaps, I empirically illustrate the features and roles of material and social resources in the lives of older people and show how aging processes occur and how material and social resources can affect the agency of older people. The study shows that, depending on the environment in which the assemblies of aging take place, its meanings and the understanding of the tunability and features of the tunability of material and social resources by older people also differ.

Keywords: aging, the older, nursing home, separate accommodation for the older, material gerontology, agency of the older

References

- Artner L., Atzl I., Depner A., Heitmann-Möller A., Kollewe C. (eds.) (2017) *Pflegedinge: Materialitäten in Pflege und Care*, Bielefeld: Transcript.
- Barad K. (2003) Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter. *Signs*, vol. 28, no 3, pp. 801–831.
- Barad K. (2007) Four. Agential Realism: How Material-Discursive Practices Matter. *Meeting the Universe Halfway* (ed. K. Barad), Durham: Duke University Press, pp. 132–186.

- Bergeron J., Paquette S., Poullaouec-Gonidec P. (2014) Uncovering Landscape Values and Micro-geographies of Meanings with the Go-along Method. *Landscape and Urban Planning*, no 122, pp. 108–121.
- Elyutina M. (2009) Pozhilye lyudi i starye veshchi v povsednevnoj zhizni [Elderly People and Old Things in Everyday Life]. *Sociological Studies*, no 7, pp. 101–109.
- Goffman E. (1968) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*, New Brunswick: Aldine.
- Höppner G., Urban M. (2018) Where and How do Aging Processes Take Place in Everyday Life? Answers from a New Materialist Perspective. *Frontiers in Sociology*, vol. 3, no 7, pp. 1–10.
- Katz S. (2020) Precarious Life, Human Development and the Life Course: Critical Intersections. *Understanding Insecurity and Risk in Later Life* (eds. A. Grenier, Ch. Philipson, R. Settersten Jr.), Croydon: Policy Press, pp. 41–66.
- Kusenbach M. (2003) Street Phenomenology: The Go-along as Ethnographic Research Tool. *Ethnography*, vol. 4, no 3, pp. 455–485.
- Latour B. (2006) Gde nedostayushchaya massa? Sociologiya odnoj dveri [Where is the Missing Mass? The Sociology of a Door]. *Neprikosnovenny zapas*, no 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/gde-nedostayushhaya-massa.html> (accessed 20 September 2021).
- Law J. (2006) Ob'ekty i prostranstva [Objects and Spaces]. *Russian Sociological Review*, vol. 5, no 1, pp. 30–43.
- Laz C. (2003) Age Embodied. *Journal of Aging Studies*, vol. 17, no 4, pp. 503–519.
- Laz C. (2019) Introduction to "Act Your Age". *Sociology of Power*, vol. 17, no 4, pp. 143–145.
- Oudshoorn N. (2011) *Telecare Technologies and the Transformation of Healthcare*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Pfaller L., Schweda M. (2017) Altern zwischen Medikalisierung und reflexiver Praxis. Der Alltag im Zeichen des Anti-Aging. *Alter (n) als soziale und kulturelle Praxis: Ordnungen — Beziehungen — Materialitäten* (eds. C. Enter, S. Kienitz), Bielefeld: Transcript, pp. 157–178.
- Polivka L. (2011) Neoliberalism and Postmodern Cultures of Aging. *Journal of Applied Gerontology*, vol. 30, no 2, pp. 173–184.
- Urban M. (2017) Embodying Digital Ageing: Ageing with Digital Health Technologies and the Significance of Inequalities. *Precarity within the Digital Age: Media Change and Social Insecurity* (eds. B. Heidkamp, D. Kergel), Wiesbaden: VS Verlag, pp. 161–176.
- Zelikova Y. (2014) *Stareyushchaya Evropa: demografiya, politika, sociologiya* [Aging Europe: Demography, Politics, Sociology], Saint Petersburg: Norma.